

Теория. Методология

© 2012 г.

Ю.И. АЛЕКСАНДРОВ, С.Г. КИРДИНА

ТИПЫ МЕНТАЛЬНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД¹

АЛЕКСАНДРОВ Юрий Иосифович – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией Института психологии РАН, зав. кафедрой Государственной академии гуманитарных наук (E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru). КИРДИНА Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, зав. сектором Института экономики РАН (E-mail: kirdina@bk.ru).

Аннотация. На основе межстрановых сопоставлений показана взаимосвязь устойчивых ментальных образцов или социальных представлений, выявляемых на микроуровне, с институциональной средой общества, характеризующей макроуровень. Основу сопоставления составляют мультидисциплинарный подход и системная парадигма. Внимание уделено доминирующим в России ментальным моделям и институциональным матрицам.

Ключевые слова: матрица • парадигма • институциональная среда • общество • мультидисциплинарный подход.

Будучи свойством личности, ментальность является выражением доминирующих в обществе способов думать и чувствовать, отражает жизнь в определенной социальной среде (Фрумкина, 1999: 35). В свою очередь, социальная среда формируется институтами – “несущими макроконструкциями” общества. Как связаны устойчивые ментальные образцы, выявляемые на микроуровне, с институциональной средой, характеризующей макроуровень? В чем особенность доминирующих в России типов ментальности и характеристик институциональной среды? В статье дается их описание на основе синтеза результатов экономико-социологических и психологических исследований.

Введение. Идея написания статьи возникла на конференции по развитию инноваций в Нью-Дели в 2009 г., куда были приглашены экономисты, социологи и психологи ряда стран. Выслушав доклады друг друга, мы обнаружили, что результаты наших разработок из разных областей знания дополняют друг друга, более того, подходят как “ключ к замку”. А именно: кластеризация стран по типам доминирующей ментальности индивидов, построенная на основе психологических исследований (Александров), оказалась практически идентична той, которая была обозначена в докладе Кирдиной по экономико-социологической теории институциональных матриц. Оказалось возможным предположить взаимное соответствие особенностей

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №11-06-12035-офи-м-2011) и РГНФ (проект № 11-02-00088а), а также Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3752.2010.6).

институциональной макроструктуры общества и типа ментальности, который доминирует среди его членов.

В ходе последующих обсуждений результатов исследований весной 2010 г. Ю.И. Александров выступил с докладом "Культурная специфичность когнитивных моделей: системно-эволюционный подход" на методологическом семинаре по институциональной и эволюционной экономике (руководитель семинара академик, д.э.н., проф. В.И. Маевский). Осенью того же года в Институте психологии РАН на методологическом семинаре (руководил семинаром чл.-корр. РАН, д.психол.н., проф. А.В. Юревич) обсуждался доклад С.Г. Кирдиной "Институциональная матрица как исторический генотип". В мае 2011 г. состоялось обсуждение нашего совместного доклада "Сопоставление культуроспецифических характеристик ментальных моделей и типов институциональных макросистем: пример мультидисциплинарного подхода" на Научном совете Отделения общественных наук РАН "Новые явления в общественном сознании и социальной практике" (руководитель член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко). Благодарим участников обсуждений за замечания, которые постарались учесть при подготовке статьи.

Необходимость мультидисциплинарного подхода. Возрастающая сложность мира требует более изощренных методов его изучения. Прямое сопоставление и "суммирование" данных разных дисциплин, которое может способствовать решению прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным. Путь механического соединения данных часто ведет не к познанию целостного феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей и, почти неизбежно, к редукционизму в теории. Как меняется методология научных исследований в условиях "размытия традиционных границ" дисциплин и потребности "трансдисциплинарных" формулировок для путей решения сложных проблем [Segal, 2010], что актуально сегодня?

С одной стороны, интенсивный процесс формирования "стыковых" наук, дисциплин, реализующих "морфологизированные" мосты междисциплинарного синтеза [Абульханова и др., 1996] – нейропсихология, психофизиология, эргономика, складывающаяся в последние годы нейроэкономика [Glimcher, 2010]. С другой стороны, новое проблемное поле может осваиваться на основе *мультидисциплинарного подхода*². Этот подход реализован в нашей работе, где предпринята попытка синтеза данных, полученных в рамках каждой из дисциплин самостоятельно. Такая форма работы возможна, если исследователи придерживаются единых общенаучных парадигм, что позволяет преодолеть ограничения научных школ, свойственных конкретным наукам, и сопоставить результаты в широкой методологической перспективе.

Действительно, принадлежность к научной школе в социологии, экономике или психологии отражает, прежде всего, набор профессиональных знаний ученого, понятийно-терминологическую систему, связанную с определенным ракурсом исследования изучаемых явлений, а также характер научных связей и соотнесенность с определенным кругом специальной научной литературы.

В отличие от этого общенаучная парадигма характеризует, как правило, не специальную дисциплину, но науку в целом или большие группы наук. Закрепленное Т.С. Куном [Кун, 1975] в методологии науки понятие парадигмы (или дисциплинарной матрицы, как Кун переопределил ее в дальнейшем) предполагает некое принципи-

² Если *междисциплинарный подход* предусматривает взаимодействие разных дисциплин при изучении одного и того же объекта [Новая философская энциклопедия, т. II, с. 518], при котором происходит смешение практик и предпосылок вовлеченных в такое исследование дисциплин (часто одна из дисциплин, "поставляющая" образец методологии, рассматривается в качестве ведущей, в то время как другие – ведомыми), то *мультидисциплинарный подход* основан на предпосылках обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве взаимодействующих компонентов. Взаимодействие организовано на основе общего теоретического языка; при этом каждая из дисциплин сохраняет специфический язык и методическое обеспечение [Augsburg, 2005: 56].

альное видение мира и общие мировоззренческие, философские ценности, характер принятых символических обобщений, схожие концептуальные схемы и образцы решения задач. Принадлежность к той или иной парадигме характеризует ученого не как специалиста или профессионала в узкой предметной области, но как ученого в широком смысле этого слова, показывает специфику его (ее) научного видения вне зависимости от той или иной конкретной дисциплинарной научной школы, которую он(а) развивает.

В нашем случае роль такой парадигмы выполняет системный подход (точнее, его более поздняя "версия", получившая название самоорганизационной парадигмы). Подавляющее большинство авторов, разрабатывавших проблематику комплексных исследований в общественных науках, приходили к аналогичному заключению о том, что системный подход может быть использован в подобного рода работах, причем не только для решения фундаментальных задач, но и для решения прикладных проблем [Мысливченко, 1989; Сержантов, 1990; Казначеев, 1983; Ломов, 1989; Барабанщиков, 2005 и др.]. В культурологии в середине прошлого века Л.А. Уайт предлагал рассматривать системный подход как основную в интерпретации культуры в качестве целостного образования (подробно см.: [Александров, Александрова, 2009]). В экономической теории системную парадигму ярко представил и описал известный венгерский экономист Я. Корнай [2002]. В социологии традициями системного изучения социальных объектов известна Новосибирская школа во главе с академиком Т.И. Заславской [Иванов, 2003], и ряд представителей школы до настоящего времени придерживаются системной парадигмы [Кирдина, 2005]. Среди психологов и психофизиологов системная парадигма характерна для исследователей, принадлежащих к ряду научных школ, сформированных как в начале прошлого века, так и в последующие годы (см., например, [Анохин, 1978; Александров, 2004; Барабанщиков, Носуленко, 2004; Брушлинский, Сергиенко, 1998; Выготский, 2005; Журавлев, 2003; Леонтьев, 1975; Ломов, 1989; Лурия, 1973; Петренко, 1999; Швырков, 2006; Ярошевский, 1996] и др.).

Итак, мы рассматриваем взаимозависимость структур субъективного опыта (типов ментальности) и институциональных общественных структур с единых системных методологических позиций, исходя из того, что системная (самоорганизационная) парадигма, оперирующая представлениями об "исторически развивающихся системах", может рассматриваться в качестве мультидисциплинарной и соответствует "современным тенденциям синтеза научных знаний" [Степин, Кузнецова, 1994: 196³].

Другой особенностью нашей работы является сопоставление результатов не только из разных наук, но и относящихся к разным уровням общественной структуры: на микроуровне речь идет о типах ментальности индивидов, на макроуровне – представленном институциональной структурой общества. Соотнесение "разноуровневых" исследований также представляет собой методологическую проблему. Иногда предполагают, что это требует построения теорий так называемого "среднего уровня". В нашем случае мы опираемся на обоснования другого рода, доказывая корректность сопоставления полученных на микро- и макроуровне результатов.

Когда исследователи не придерживаются системной парадигмы, то средством "перехода" от микро- к макроуровню является метод агрегирования. Общество в таких случаях рассматривается не как система, законы поведения и структура которой отличаются от законов поведения образующих его индивидов, а как совокупность последних. Поэтому представляется возможным "отождествление законов агрегированного поведения с законами индивидуального поведения" [Хикс, 1993: 373]. Мы не можем не согласиться с М. Аптером [1970], что подобная агрегация носит редуционистский механистический характер.

В нашем случае общество рассматривается как "надындивидуальное" целое и представлено системой образующих его институтов. Институты представляют собой

³ См. также: Абульханова и др., 1996; Анохин К.В., 2006; Анохин П.К., 1975; Александров И.О., 2006; Александров, 1989; Сергиенко, 2006; Степин, 1991; Швырков, 2006 и другие.

“устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности” [Современная западная социология, 1990: 117]. Институты накладывают ограничения на человеческие действия, равно как и содержат принуждения к их исполнению [Норт, 1997: 16]. При системном подходе к обществу институты образуют более высокий, по сравнению с индивидуумами, уровень социальной иерархии.

В то же время институты формируются в результате действий социальных субъектов и представляют собой легитимизированные образцы социальных практик. Поэтому имеет место двусторонняя связь между институтами как структурами общества и индивидами как носителями ментальных моделей. Признание этой связи закрепилось в современной социологии – ярко оно представлено в исследованиях Э. Гидденса, П. Штомпки, П. Бурдьё и других представителей деятельностно-активистского подхода [Ядов, 2009]. При этом, если в исследованиях отмеченных авторов преимущественное внимание уделено воздействию индивидов на социальные структуры, в том числе институты, то мы полагаем, что взаимосвязь между типами ментальности и институтами имеет не столько однонаправленный, сколько морфологический характер. Это означает, что они являются отражениями одного целого, и в качестве этого целого выступает социальная деятельность в определенных условиях, формирующая общество. И типы ментальности, и системы общественных институтов в совокупности реализуют закрепившиеся в истории (проверенные историей) пути осознания и достижения коллективных целей, стоящих перед сообществами людей – нациями и государствами.

О двух основных типах ментальности. Представления о том, что всякий народ обладает коллективными ментальными характеристиками, отличающими его от других народов, “так же стары, как и сами народы” [Хофстеде, Маккрэй, 2010: 10]. Тем не менее, несмотря на их разнообразие, антропологи, а затем психологи и нейропсихологи полагают возможным агрегировать эти представления в два типа ментальности. В соответствии с культурной принадлежностью их часто называют “незападным” (“восточным”) и “западным” (или “Weird” и “non-Weird”, см. [Heinrich and al., 2010]). Как видно из таблицы, под типом ментальности, или когнитивной моделью, мы понимаем характерные для индивида особенности восприятия мира с точки зрения его “мерности” и единства и соответствующий способ решения проблем (принятия решений).

R.E. Nisbett и др. [2001], сравнив специфику когнитивных процессов у людей, принадлежащих к восточной и западной культурам, пришли к следующему заключению. В первой из культур *континуальность* рассматривается как принципиальное свойство мира, во второй – он представляется дискретным, состоящим из *обособленных объектов*. В первой относительно мало используется формальная логика, но применяется *холистический подход* и “*диалектическая*” аргументация, больше выражена *терпимость к противоречиям*. Во второй больше присутствуют *аналитическое мышление, усиленное внимание к отдельному объекту, чем к целостности*. При западной ментальности поведение объекта объясняется его принадлежностью к определенной категории и его собственными свойствами. Напротив, в восточной культуре считается: *ничто в природе не изолировано и все взаимосвязано, поэтому изоляция элементов от целого может вести лишь к заблуждениям*. Подчеркивается, что действие всегда происходит в поле взаимодействующих сил. Эти различия обнаруживаются при сопоставлении древнего Китая с Грецией (VIII–III вв. до нашей эры) и продолжают сохраняться до сих пор, характеризуя особенности современного Китая и других азиатских стран по сравнению с Северной Америкой и Европой.

Kühnen et al. [2001] показали, что по критерию “холистичность – аналитичность восприятия” граждане России попадают в “незападную”⁴ группу вместе с испытуемыми

⁴ Мы, как и другие авторы, должны отметить относительность классификации: западный – незападный. Так, например, холистичность мышления в германской культуре – известный феномен [Toomela, 2007; Ash, 1998; Harrington, 1995], хотя данная особенность и выражена, по-видимому, менее, чем в России [Grossmann, Varnum, 2011]; страны Латинской Америки по ряду

Соотношение “незападного” и “западного” типов ментальности

Характеристики	“Незападный” тип ментальности	“Западный” тип ментальности
“Мерность” мира	Континуальность	Дискретность
Восприятие мира	Холистичность и взаимосвязанность	Аналитичность и атомичность
Тип принятия решений	Интуитивный тип	Рациональный тип
Доминирует среди населения стран	Восточные страны и Россия	Северная Америка и Европа

из Малайзии, не отличаясь от них, но достоверно отличаясь от “западных” испытуемых из США и Европы. Не кажется неожиданным, что американцы, характеризуя научные подходы советских исследователей, отмечали важный аспект специфичности этих подходов и подчеркивание взаимодействия индивида и окружающей среды [Holden, 1978]. Как отмечают Р. Нельсон и С. Уинтер, “...когнитивные структуры и парадигмы известны как источники долговременного воздействия и преемственности, идет ли речь о научных дисциплинах или о производственных технологиях” [Нельсон, Уинтер, 2002: 69]. Другими словами, они подтверждают факт, что доминирующие типы ментальности находят отражение в специфике профессиональной деятельности ученых соответствующих стран⁵.

Другие авторы тоже отмечают наличие значимого (во многих случаях преобладающего) “незападного” компонента в российских культуре и мышлении [см.: Александров, Александрова, 2009], что подтверждает отмеченную в ряде работ связь культуры и индивидуального восприятия [Nisbett et al., 2001; Nisbett, Masuda, 2003; Henrich et al., 2010].

С аналитическим и холистическим типами ментальности могут быть сопоставлены традиции логических (рациональных) и интуитивных решений соответственно [Buchtel, Norenzayan, 2009]. Эксперименты показывают, что испытуемые, принадлежащие к “западной” культуре, чаще выбирают рациональные, логически обоснованные пути решения, чем индивиды, принадлежащие к культуре “незападной”. В соответствии с этим находится и эксплицируемая социальная желательность соответствующих путей: при необходимости одобрить один из них первые достоверно чаще одобряют формальный, рациональный, а вторые – интуитивный путь [Buchtel, Norenzayan, 2008].

Анализ когнитивного акта индивида приводит к заключению, что холистический и аналитический модусы не следует понимать дизъюнктивно: как однозначную дихотомию; [Foard и Kemle, 1984] предлагают рассматривать *континуум* модусов. При сопоставлении культур также вводится представление об “аналитико-холистическом континууме”, на котором от аналитического к холистическому полюсу располагаются, соответственно, США → страны Западной Европы → Центральной и Восточной Европы (в т.ч. РФ) → страны Юго-Восточной Азии [Varnum et al., 2008]. Именно разницу “весов”, а не “чистый” холизм или аналитизм мы имеем в виду, говоря о “западной” и “незападной” стратегиях.

То же следует сказать относительно интуиции и рациональности. На основании обзора литературы [J. Henrich с соавт., 2010] приходят к выводу, что хотя любой взрослый индивид обладает “обеими когнитивными системами”, в зависимости от особенностей культуры он/она может использовать в большей степени одну в ущерб

обсуждаемых психологических показателей попадают в “незападную” группу – дополнительные пояснения см. [Александров, Александрова, 2010; Henrich et al., 2010].

⁵ О связи типов ментальности и особенностей культуроспецифичных наук подробнее см. [Александров, Александрова, 2010].

другой, что ведет к выявляемым на популяционном уровне различиям в вероятности выбора стратегии при решении идентичных проблем⁶.

Накопленные данные свидетельствуют, что прав был [Бунге, 1967], утверждая, что в каждой стране есть оба типа – как “интуитивисты”, так и люди с рационалистским, формально-логическим складом ума – “аналитики”. Но важно иметь в виду, что эти типы распределены по разным странам неравномерно. Так, например, с использованием опросника Кейрси было показано [Овчинников и др., 1994], что психологический тип, в состав которого входит “интуиция” (изобретательность, умозрительность), встречается в несколько раз чаще в коллективистской и “холистичной” России (см., напр., [Александров, Александрова, 2009; Tower et al., 1997; Grossmann, Varnum, 2011]), чем в “супер-индивидуалистской”, “супер-аналитичной” стране – США [Henrich et al., 2010; Grossmann, Varnum, 2011]. И наоборот: психологический тип, в который входит противопоставляемое интуиции качество – “здоровомыслие” (реалистичность, практичность)⁷, значительно чаще встречается в США, чем в России.

Анализ активности мозга показывает, что реализация холистического по сравнению с аналитическим модусом мышления (и интуитивного по сравнению с рациональным) обеспечивается разными паттернами активности мозга [Henrich et al., 2010; Kitayama, Uskul, 2011]. Показано также, что когда представители разных культур решают задачи, соответствующие предпочитаемому в данной культуре модусу или менее предпочитаемому, то эффективность решения и мозговая активность, обеспечивающая его осуществление, достоверно различаются [Ротенберг, Аршавский, 1984; Hedden et al., 2008]; и др.

М.Е.В. [Varnum et al. 2008], а также А.К. [Uskul et al. 2008]; см. дополнительно [Kitayama, Uskul, 2011] отмечают, что аналитизм связан преимущественно с индивидуализмом, а холистичность – с коллективизмом. Последний требует учета сравнительно большего (чем индивидуализм) числа *правил и ограничений*, регулирующих социальные взаимодействия и отношения и влияющих на поведение индивида. Сложные и многозначные социальные взаимодействия, полагают указанные авторы, способствуют формированию холистического мышления.

В последние годы стали появляться работы, в которых приводятся аргументы в пользу связи доминирующих в обществе холистических или аналитических когнитивных моделей с типом сформированной в нем экономики [Uskul et al., 2008; Kitayama, Uskul, 2011].

О двух основных типах институциональных структур (институциональных матриц). Многообразие институциональных структур древних и современных государств можно агрегировано представить двумя типами известных “институциональных матриц”, подробно описанных в научной литературе, словарях и энциклопедиях⁸. Напомним основные положения этой теории.

Теория институциональных матриц, или X-Y-теория, разрабатывается в России с конца 1990-х гг. Хотя термин “институциональная матрица” впервые употреблен в работах К. Поланы (Канада) [Polanyi, 1977] в 1977 г. и применен Д. Нортон (США) в 1990 г. [North, 1990; Норт, 1997], теория институциональных матриц создавалась в Новосибирской экономико-социологической школе; в нашей стране она получила развитие [Кирдина, 2000, 2001 и др.].

⁶ Однако даже если в культуре с пониженной вероятностью выбора интуитивной стратегии последняя реализуется (выбирается), она – не та же интуиция, что в странах с повышенной вероятностью выбора этой стратегии: интуиция культуроспецифична. Это касается роли интуиции в формировании обыденного знания и в построении философских концепций [Stich, 2010].

⁷ О противоположности-дополнительности качеств “интуиция” и “здоровомыслие” см. [Овчинников и др., 1994].

⁸ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; 2-е изд. Новосибирск, 2001; Матрица институциональная в социологии / Социологическая энциклопедия, М.: Мысль, 2003, т. 1, с. 609–610; Институциональных матриц теория / Социологический словарь / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М, 2010, с. 153–154 и др.

Институциональная матрица (лат. *matrix* – матка, первичная модель) представляет собой устойчивый исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Базовые институты, сохраняя присущее им содержание, “развертываются” и проявляют себя в разных исторически развивающихся институциональных формах, специфика которых зависит от цивилизационного контекста конкретных обществ.

Анализ эмпирического материала, начиная с древнейших государств Египта и Месопотамии и заканчивая современными, показывает, что в структуре общества доминирует, как правило, один из двух типов институциональной матрицы: либо X-, либо Y-матрица. Они качественно различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов.

Для X-матрицы характерен следующий набор базовых институтов:

- в экономической сфере – институты редистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). К ним относятся институты условной верховной собственности; служебного труда (термин О.Э. Бессоновой); кооперации; редистрибуции (аккумуляции-согласования-распределения); X-эффективности (термин впервые был предложен Х. Лебенштайном), т.е. снижения издержек нерыночными методами. Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию;

- в политической сфере – институты унитарного политического устройства: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям;

- в идеологической сфере – институты коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете “Мы” над “Я”. К ним относятся институты коллективизма; эгалитаризма; порядка.

Институты X-матрицы доминируют в России, странах Азии и Латинской Америки.

В свою очередь, Y-матрица образована следующими базовыми институтами:

- в экономической сфере – институты рыночной экономики: частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли-продажи); Y-эффективности (извлечения прибыли);

- в политической сфере – институты федеративного политического устройства: федерации; самоуправления и subsidiarity; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;

- в идеологической сфере – институты субсидиарной идеологии, закрепляющие приоритет “Я” над “Мы”, примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. Последние, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер. Это институты индивидуализма; стратификации; свободы. Y-матрица превалирует в странах Европы и Северной Америки.

Тип институциональных матриц формируется под влиянием свойств материально-технологической среды данного государства. Выделяются два присущих ей альтернативных свойства: коммунальность или некоммунальность. Коммунальность означает, что обособление отдельных частей материально-технологической среды угрожает распаду всей системы. Это предполагает ее использование как единого нерасчленимого объекта. Соответственно требуются совместные координированные усилия значительной части членов общества для ее использования и централизованное управление. Некоммунальность означает возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные элементы и может функционировать как совокупность разрозненных технологических объектов.

Коммунальная среда определяет неизбежность доминирования институтов Х-матрицы, а некоммунальная среда обуславливает доминирование институтов Y-матрицы.

На протяжении развития государств в них сохраняется доминирующее положение базовых институтов, свойственных либо X-, либо Y-матрице, что обеспечивает целостность, выживание и развитие соответствующего типа общества. При этом институты из матрицы противоположного типа – комплементарные институты, – играют вспомогательную роль, необходимо “дополняя до целого” институциональную общественную структуру. Как в генетике доминантный ген, подавляя рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и базовые институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов. Здесь также имеет место параллель с распределением индивидов в составе населения того или иного государства. Как в обществах встречаются индивиды с западным и незападным типом ментальности, но в разных пропорциях, так и в общественной структуре действуют институты из противоположных матриц, но в разном соотношении.

Доля комплементарных институтов в стабильных устойчивых обществах, как можно предположить, составляет примерно треть (30–35%). Если эта доля меньше, тогда тотальное доминирование базовых институтов приводит общества к кризисам или застою. В то же время излишнее внедрение комплементарных институтов с попытками заменить ими матрицу базовых институтов приводит к социальным потрясениям и революциям. Социально-экономическая политика представляет собой, как правило, постоянный поиск оптимального институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, соответствующего временному, глобальному и другим контекстам.

Сопоставив страны по характеру доминирующих в них институциональных матриц и типов ментальности, мы видим, что те страны, где доминируют институты X-матрицы (в том числе и Россия), отличаются распространением “незападного” типа ментальности. Страны с доминированием институтов Y-матрицы характеризуются преимуществом “западного” типа ментальности. Это соответствие, как можно судить по ряду публикаций (R.E. Nisbett et al., 2001; Кирдина, 2000: 85–92), имеет устойчивый характер. С учетом этого мы полагаем возможным использовать для обозначения типов ментальности ту же маркировку, что для обозначения институциональных матриц – то есть выделить тип X-ментальности (незападной) и Y-ментальности западной).

Мы также полагаем возможным использовать гипотезу о материальной обусловленности социальных процессов для обоснования взаимозависимости типов ментальности и институциональных структур (о взаимосвязи между средой и типом ментальности см. также [Чудинов, 2006]). Среда (коммунальная и некоммунальная) формирует два типа институциональных систем. Последние, в свою очередь выступая как среда для индивидуумов, вступающих в социальные отношения, формируют два типа ментальных моделей. Целесообразность этой логики доказывается отнесенностью одних и тех же государств к одинаковым кластерам по ментальным моделям и институциональным макроструктурам. В дальнейшем мы намерены проверить эту гипотезу.

Заключение. Авторы полагают, что ментальность членов общества и характер его экономических, политических и идеологических институтов взаимосвязаны, и связь эта имеет структурный характер. Это означает, что ментальность и институциональность общества являются разными отражениями единой специфической сущности общественной системы, что необходимо принимать во внимание, например, при планировании институциональных или культурных изменений. Наше исследование позволяет также уточнить терминологию культурологического дискурса, при котором культура в ее неспецифицированном виде зачастую полагается причиной, задающей особенности экономики, политики и других общественных сфер. Например, утверждение Д. Ландеса: “Главная мысль, которую можно вынести из истории экономики, заключается в том, что почти все в ней объясняется культурой” [Ландес, 2002: 38].

В отличие от Ландеса и других авторов, мы ставим задачу конкретизировать институционализированные компоненты культуры, влияние которых может быть определено и измерено. Поэтому дальнейшей задачей является продвижение в разработке представлений о связи институциональных, психологических и социально-психологических характеристик с особенностями экономической и политической организации, основанное на современном эмпирическом материале.

Но не только выяснение указанной связи перспективно как цель дальнейших исследований. Предстоит выработать представления о том, как институциональные и ментальные особенности российского общества могут быть рассмотрены не в качестве преград на пути унифицированного движения к модернизации, а в качестве комплементарных характеристик, способствующих развитию страны и ее общемировой интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова К.А., Александров Ю.И., Брушлинский А.В. Комплексное изучение человека // Вестник РГНФ. 1996. № 3.
- Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004.
- Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
- Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культур // От события к бытию. Грани творчества Г.В. Иванченко. Сб. научных статей и воспоминаний / Составитель М.А. Козлов. М., Изд. дом Государственного университета Высшей школы экономики. 2010.
- Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: ИП РАН, 2009.
- Анохин К.В. Психофизиология и молекулярная генетика мозга // Психофизиология / Под ред. Ю.И.Александрова. СПб. Питер, 2006.
- Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Аптер М. Кибернетика и развитие / Пер. с англ. М., 1970.
- Барабанщиков В.А. ред. Идея системности в современной психологии. М.: ИП РАН, 2005.
- Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.
- Брушлинский А.В., Сергиенко Е.А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998.
- Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967.
- Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под. ред. В.В. Давыдова. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005.
- Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А.Л. Журавлева и Н.В. Тарабриной. М.: ИП РАН, 2003.
- Иванов В.Н. Новосибирская социологическая школа // Российская социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003, с. 59.
- Институциональных матриц теория. / Социологический словарь / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 153–154.
- Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС. 2000; 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина С.Г. Экономическая эволюция как институциональная самоорганизация // Эволюционная теория: инновации и экономические изменения (VI-й Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пущино, 23–24 сентября 2005 г.). М.: ИЭ РАН, 2005.
- Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. Пер с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Ломов Б.Ф. Изучение человека на основе системного подхода // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989.
- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973.

- Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003, т. 1.
- Мысливченко А.Г. Идея создания целостной концепции человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционный подход в экономической науке (2002) // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
- Новая философская энциклопедия. Т. II. М.: "Мысль", 2001.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: "Начала", 1997.
- Овчинников Б.В., Павлов К.В., Владимирова И.М. Ваш психологический тип. СПб.: "Андреев и сыновья", 1994.
- Петренко В.Ф. Школа Леонтьева А.Н. в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа Леонтьева А.Н. М.: Смысл, 1999.
- Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.
- Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. Л.: изд-во ЛГУ, 1990.
- Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
- Степин В.С. Анализ исторического развития философии науки в СССР // Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
- Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994.
- Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского–Лурия. Взгляд из сегодняшнего дня / Человек. 1999. № 3.
- Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс: 1993.
- Хофстеде Г., Маккрэй Р.Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социол. журнал. 2010. № 4.
- Чудинов В.А. Ментальность, обусловленная средой // "Академия Тринитаризма", М., Эл. № 77-6567, публ. 13262, 02.05.2006. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111079.htm> (просмотр 26.11.2011).
- Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Избранные труды / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Изд-во ИП РАН. 2006.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций. Изд. второе, испр. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Ярошевский М.Я. Наука о поведении: русский путь. М., Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Ash M.G. Gestalt psychology in German culture, 1890-1967. Holism and the quest for objectivity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Augsburg T. Becoming interdisciplinary: An introduction to interdisciplinary studies. Dubuque, Iowa: Kendall Hunt Publishing, 2005.
- Buchtel E.E., Norenzayan A. Thinking across cultures: Implications for dual processes // Evans J., Frankish K., eds. Two Minds: Dual Processes and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 217–238.
- Buchtel E.E., Norenzayan A. Which should you use, intuition or logic? Cultural differences in injunctive norms about reasoning // J. of Social Psychology. 2008. V. 11. P. 264–273.
- Foard Ch., Kemler N.D. Holistic and analytic modes of processing: The multiple determinants of perceptual analysis // J. of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition: General, 1984. V. 113. P. 94–111.
- Glimcher P.W. Foundations of Neuroeconomic Analysis. Oxford University Press, 2010.
- Graham L., Kantor J-M. A comparison of two cultural approaches to mathematics. France and Russia, 1890-1930 // ISIS. J. of The History of Science Society. 2006. V. 97. P. 56–74.
- Grossmann I., Varnum M. Social class, culture, and cognition // Social Psychological and Personality Science. 2011. 2, 81–89.
- Harrington A. Reenchanted science. Holism in German culture from Wilhelm II to Hitler. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Hedden T., Ketay S., Aron A., Markus H.R., Gabrieli J.D.E. Cultural influences on neural substrates of attentional control // Psychological Science. 2008, 19, 12–17.
- Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world // Behavioral and Brain Sciences. 2010, 33, 61–135.
- Hofstede G. Culture's consequences: Individual differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Holden C. Russians and Americans gather to talk psychobiology // Science. 1978. V. 200. P. 631–634.
- Kitayama S., Uskul A.K. Culture, mind, and the brain: current evidence and future directions // Annual Review of Psychology. 2011, 62, 419–449.

- Kühnen U., Hannover B., Roeder U., Shah A.A., Schubert B., Upmeyer A., Zakaria S. Cross-Cultural variations in identifying embedded figures. Comparisons from the United States, Germany, Russia, and Malaysia // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. P. 366–372.
- Nisbett R.E., Masuda T. Culture and point of view // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. V. 100. P. 11163–11170.
- Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.
- North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University press, 1990.
- Polanyi K. *The Livelihood of Man*. N.Y., 1977.
- Segal H.P. Solutions beyond systems analysis // *Science*. 2010, 467, 276.
- Stich S. Philosophy and WEIRD intuition // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010, 33, 110–111.
- Toomela A. Culture of science: strange history of the methodological thinking in psychology // *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2007. V. 41. P. 6–20.
- Tower A., Kelly C., Richards A. Individualism, collectivism and reward allocation : A cross-cultural study in Russia and Britain // *British J. of Social Psychology*. 1997. V. 36. P. 331–345.
- Uskul A.K., Kitayama S., Nisbett R.E. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fishermen are more holistic than herders // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2008. V. 105. P. 8552–8556.
- Varnum M.E.W., Grossmann I., Katunar D., Nisbett R.E., Kitayama S. Holisma in a European cultural context: Differences in cognitive style between Central and East Europeans and Westerners // *J. of Cognition and Culture*, 2008. V. 8. P. 321–333.

От редакции. XVIII Всемирный социологический конгресс пройдет в Йокогаме, Япония, с 13 по 19 июля 2014 г. Международная социологическая ассоциация (МСА) начала подготовку к конгрессу. Публикуем материалы, связанные с очередным конгрессом МСА.

© 2012 г.

Р. СОСА ЭЛИСАГА

ЛИЦОМ К МИРУ НЕРАВЕНСТВА. ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ДЕБАТАМ СОЦИОЛОГОВ

СОСА ЭЛИСАГА Рабель – профессор Национального автономного университета Мексики, вице-президент Международной социологической ассоциации по программным вопросам.

Введение. Статья имеет целью представить общие размышления о нынешней проблеме неравенства, предложить темы, вокруг которых может быть реализована программа 18-го Конгресса МСА в соответствии с директивами заседания в Мехико-Сити (март 2011 г.). Документ начинается с посылки, что Конгресс может и должен стимулировать дебаты об условиях и возможностях, которые есть у социологов – как ученых и как профессионалов, для того, чтобы лицом к лицу встретить то, что является критическим вызовом 21-го века: вступить в конфронтацию с процессами структурного неравенства, влияющего сегодня на миллионы людей, и в итоге устранить их.

Главные цели этого документа: а) внести вклад в глобальные дебаты об измерениях, динамике, перспективах анализа и вариантов преодоления неравенства в начале 21-го века: б) стимулировать генерирование предложений, которые могут рассматриваться на национальных, региональных или международном уровнях, везде,